

О ФЕОДАЛЬНОМ СТРОЕ СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ В XVII ВЕКЕ

В. И. Шунков

В сибироведческой литературе не раз высказывались мысли об особом характере социальных отношений среди русского населения Сибири. В основном эти мысли сводились к отрицанию наличия в Сибири феодальной эксплуатации непосредственных производителей материальных благ. Этот факт обусловил, по мнению ряда исследователей, особый путь развития Сибири, особый уклад её общественной жизни.

Сибирский исследователь С. С. Шашков в 1867 г. писал: «...сочинители, сибирские уроженцы, превозносят Сибирь за то, что в ней не было крепостного права... Они восхваляют сибиряков за их умственную развитость, за их честность и радушие, словом, говорят, что и в умственном и в нравственном отношении сибирское население стоит выше населения Европейской России»¹.

Как видим, С. С. Шашков связывал отсутствие крепостного права в Сибири с наличием особого типа русского сибирского населения и особого пути развития края, противопоставлял русское население Сибири русскому населению центральных районов страны.

Широкое распространение нашла эта антинаучная точка зрения и у сибирских областников позднейшего времени. Неоднократно в среде сибирских областников из этого противопоставления делался политический вывод об отделении Сибири от Центральной России и о её самостоятельном существовании.

Противопоставление Сибири Центральной России и вредная идеализация прошлого Сибири нашли в качестве пережитка буржуазной историографии отчасти отражение и в советской сибироведческой литературе. А. Р. Шнейдер и Л. И. Доброва-Ядринцева в своей книжке «Население Сибирского края» пишут: «В то время как за Уралом беспредельно царил помещичий, полицейский и церковный гнет, здесь, в Сибири, помещиков не было, администрация была немногочисленна, а дальность расстояния городских центров XVII и XVIII и даже первой половины XIX века от сельских поселений в значительной мере аннулировала для них влияние административного гнета... Сибирь очень мало ощущала и церковный гнет... Отсутствие помещичьего и сравнительная слабость административного и церковного гнета создали в сибиряке-старожиле самостоятельность, независимость и большое равнодушие к религии»².

Аналогичную позицию занял В. Соколов в работе «Декабристы в Сибири». По его мнению, «в Сибири они (декабристы.— В. Ш.) нашли совершенно иную обстановку, чем та, которая вела их на подвиг в России. Отсутствие крупного феодального землевладения и крестьянской крепостной кабалы. Относительная свобода общественных отношений и частного предпринимательства. Здесь было почти все, чего они добивались в Рос-

¹ «Очерки русских нравов в старинной Сибири». «Отечественные записки». Кн. 20 за 1864 г., стр. 683.

² А. Шнейдер и Л. Доброва-Ядринцева. Население Сибирского края, стр. 64. Новосибирск. 1928.

сни». Для Соколова сибирская обстановка первой половины XIX в. — это обстановка «буржуазно-капиталистического порядка». Она сделала для Сибири возможным иной путь развития, нежели путь Центральной России: «...революции в Сибири было на что опереться... революция против метрополии могла бы быть поддержана с востока иностранным капиталом — американским и английским». То, что этого не произошло, то, что сибирская буржуазная революция увяла на корню, кажется автору «чрезвычайно любопытным и вместе загадочным фактом». Совершенно несостоятельно это рассуждение автора относительно возможной «поддержки» изобретённой им сибирской революции со стороны американских и английских капиталистов, цель которых всегда состояла в ограблении Сибири, превращении её в свою колонию.

Следовательно, и в указанной работе Сибирь рассматривается как своеобразный оазис в крепостнической России, как край, в котором не только были налицо все предпосылки для свободного капиталистического развития, но который стал на этот путь значительно ранее центральных районов страны³.

Подобную точку зрения высказывали и другие авторы.

То или иное решение вопроса о наличии в Сибири феодальных отношений связывалось историками с весьма важными и далеко идущими политическими выводами (сибирские областники) или с выводами общетеоретического порядка об особом пути развития Сибири (часть советских историков). Всё это не может не вызвать необходимости в специальном рассмотрении данного вопроса, тем более что от его решения зависит и понимание целого ряда частных вопросов истории Сибири.

Своеобразные исторические условия привели к слабому развитию в Сибири частного землевладения. Малая заселённость Сибири не обеспечивала резерва рабочей силы, при помощи которой крепостник смог бы использовать сибирские просторы. В 1728 г. сибирский губернатор Долгорукий писал в Сенат: «В Сибири земли к удовольствию имеется довольно. Только что от оной земли служить им (дворянам) неможно, понеже людей и крестьян, коими ту землю заселить, у них не имеется и купить негде»⁴. В связи с этим те немногие представители крупного дворянства Центральной России, которые посылались в Сибирь на временное «кормление» в качестве воевод и их «товарищей», не стремились обзавестись землями и осесть здесь. Постоянные же кадры сибирских служилых людей, состоявшие почти исключительно из служилых людей «по прибору», набранных главным образом из гулящих людей и из ссыльных, не имели условий для обзаведения крупными хозяйствами и освоения сколь-нибудь крупных земельных площадей.

Необходимо также иметь в виду, что сильная московская центральная власть сознательно проводила политику, препятствовавшую широкому развитию частного землевладения в Сибири. Московское правительство, сохраняя основные территории Сибири в пользовании местного населения, стремилось этим путём добиться наибольшего поступления пушнины, взимавшейся в форме ясака.

Объявив себя сувереном и собственником земли, правительство требовало за пользование землёй ренту продуктами — пушшиной. Таким же сувереном и земельным собственником оно стало в отношении русских земледельцев, переселявшихся в Сибирь. Фонд возделанных земельных площадей обеспечивал поступление необходимого для снабжения правительственных отрядов продовольствия, получаемого путём взимания отра-

³ См. В. Соколов. Декабристы в Сибири, стр. 219, 221, 207. Новосибирск. 1946; Рец. С. Окуна в журнале «Вопросы истории» № 3 за 1947 год.

⁴ В. Косованов. Частное землевладение в Енисейской губернии. «Сибирские записки» № 6 за 1917 г., стр. 22—53. Красноярск.

боточной или продуктовой ренты. В этих целях правительство усиленно оберегало обрабатывавшиеся земли от захвата частными лицами. Этот порядок, заведённый в XVII в., сохранился и в течение позднейшего времени.

Тем не менее было бы ошибкой полностью отрицать наличие частного землевладения в Сибири. Внимательное рассмотрение конкретного материала позволяет констатировать частное землевладение с первых же шагов русской колонизации. Как правило, служилый человек в Сибири, пришедший сюда без каких-либо средств к существованию, служил за жалованье: денежное и хлебное. Размеры жалованья колебались в зависимости от служебного положения служилого человека. Хлебный оклад к концу XVII в. равнялся 9 восьмипудным четям для пеших казаков и 36 четям для боярских детей⁵. При таких нормах выдача жалованья хлебом в Сибири составляла ежегодно сотни тысяч пудов. Естественно, что, учитывая трудность получения столь больших хлебных партий, правительство охотно шло на замену выдачи хлебного оклада предоставлением служилому человеку участка земли. Следовательно, предоставление земельного участка в качестве вознаграждения за государеву службу имело место в Сибири так же, как и в центральных районах страны. Только в Сибири этот процесс начался позже, в то время, когда государственная власть в центре страны уже поставила и решила вопрос о переводе служилых людей на денежное жалованье.

Быть может, в связи с этим, а также в связи с отсутствием в Сибири необходимых условий для развития частновладельческого хозяйства здесь не только не ставился вопрос о замене земельным участком денежного оклада, но в течение всего XVII в., несмотря на явное желание правительства, процесс перевода с хлебного оклада на пашню происходил сравнительно медленно. В 1637 г. из 714 служилых людей ружников и оброчников Томска с пашни служило 156 человек — около 22%⁶. В том же году в Енисейском уезде из 398 человек с пашни служило всего 18 человек — около 5%⁷. И хотя значительная часть служилых людей и в конце века предпочитала жить на хлебном окладе, без собственной запашки, всё же процесс перевода служилых людей с хлебного оклада на пашню обнаруживал тенденцию к развитию. В том же Томске в 1699 г. из 981 человека с пашни служил 331, то есть около 34%⁸, в Енисейске в 1690 г. из 508 человек — 302, то есть 59%⁹. В некоторых уездах (например, Нерчинском) к началу XVIII в. процент перехода служилых людей на пашню был ещё большим¹⁰.

Земля служилому человеку обычно отводилась на правах условного владения. Красноярский воевода Ф. Мякинин в 1639 г. сообщал в Москву, что красноярские служилые люди пашут пашню, «а тебе, государю, о тех пашнях не бивали челом... и выписей им на те их пашни не бывало»¹¹. По распоряжению воеводы красноярцы подали челобитные, которые были приняты и «клеены в столп». На их основе служилым пашням были сделаны книги, а с тех книг служилым людям даны выписи. Москва одобрила мероприятия Мякинина, предложив лишь ему не ограничиваться регистрацией заявок, а самому «досмотреть» пашни.

Итак, источниками образования земельных участков служилых людей были захват и государево жалование — типичные явления феодального общества.

⁵ Центральный государственный архив древних актов. Ф. Сибирского приказа (в дальнейшем — СП). Книга 1226, лл. 223—306.

⁶ СП. Кн. № 70, лл. 507—526, 578—612

⁷ Там же, лл. 534—538, 613—617.

⁸ Там же. Кн. № 996, лл. 324—499.

⁹ Там же. Кн. № 999, лл. 66—82.

¹⁰ Там же. Кн. № 1591, лл. 136—142.

¹¹ Там же. Стлб. 90, лл. 163—167.

Служилый человек формально не мог ни заложить, ни продать полученную землю, ни вложить её в монастырь. Но в действительности залог, вклад, продажа, покупка, передача земель по наследству получили достаточно широкое распространение. В 1679 г. при обследовании земель Енисейского Спасского монастыря было установлено, что монастырь владел землями служилых людей, которые «даваны за государево хлебное жалование» и которыми служилые люди поступились в монастыри «в заклад и за вклад»¹². В 1684 г. правительство указывало енисейскому воеводе Щербатову, что енисейские служилые люди «данные» пашенные земли распродали, а иные, заложа, просрочили, а иные отдали за вклад в монастыри¹⁴.

При запрещении безусловной частной собственности на землю правительство в отдельных случаях специальными актами признавало право частного землевладения. Это противоречивое положение исчезает в начале XVIII века. Правительственные указы, уравнившие поместные и вотчинные земли, послужили основанием для закрепления безусловной частной собственности и в Сибири.

Обычно земельные участки сибирских служилых людей были невелики. Как свидетельствуют сметные и пометные списки прихода и расхода хлебных запасов сибирских городов, приём выделного хлеба с пашни служилых людей был весьма ограниченных размеров. Это означает, что обычно пашня служилого человека не превышала нормы, исчисляемой соответственно размерам хлебного оклада, то есть от 18 десятин пахотной земли для высших чинов (дети боярские) до 4 десятин для рядовых (пешие казаки). К пахотной земле почти всегда прирезывались угодья. Поэтому общая площадь, отводившаяся служилому человеку, была несколько выше. Но и при этом условия земельный участок рядового служилого человека был небольшим, приближаясь по своим размерам к крестьянской заимке.

Семья служилого человека была в состоянии его обработать сама, не прибегая к наёмной рабочей силе. Однако в некоторых случаях участки достигали площади, для обработки которой требовалась дополнительная рабочая сила. По показаниям служилых иркутских людей, данным в Сибирском приказе, крупному хлебному подрядчику А. Ушакову принадлежала в Иркутском уезде, верстах в 50 от города, заимка на острове «мерюю... в длину верст з 10, а поперег на версту». В заимке имелось «пашенных крестьян и работных людей дворов з 10». Первые из них пахали на хозяина десятинную пашню, вторые работали на соляной варнице¹⁵. В литературе не раз упоминался факт владения крупной заимкой известным Ярофеем Хобаровым. Енисейский сын боярский Дм. Галкин владел деревней с земельным участком в 226 десятин, из которых 37 десятин было под пашней; енисейский пятидесятник И. Москвитин имел в деревне Елагина 306 десятин, из которых пахал 54¹⁶.

Достаточно крупные земельные участки служилых людей имелись и в других уездах, например, в Томском. Здесь числилось 55 служилых людей, владевших «земляными заимками и всяким угодьем». Правда, в большинстве случаев заимка в этих заимках была невелика, в среднем по 10 десятин¹⁷. Но мы располагаем данными о других уездах (например, о Красноярском), которые говорят и о сравнительно значительной заимке¹⁸.

¹² Там же. Стлб. 450, лл. 323—325.

¹⁴ Там же. Кн. 1086, лл. 54—81, 41—53; ср. стлб. 53, лл. 580—596; ср. кн. 1428, лл. 269-а—313.

¹⁵ ЦГАДА. Ф. Иркутской приказной избы. № 505, лл. 9—10.

¹⁶ Сп. Кн. 942, лл. 41—63.

¹⁷ Там же. Кн. 1371, лл. 1—28.

¹⁸ Там же. Стлб. 90, лл. 174—179.

Процесс образования служилого землевладения, начавшийся в XVII в., продолжался и в следующее столетие. Интересные примеры приводит в своей статье В. Косованов. По его сведениям, енисейский стрелецкий голова К. Самойлов получил в середине XVII в. землю в зачёт половины хлебного оклада. К этой земле он сумел прикупить ещё участок да кроме того оставил себе заложённую ему и невыкупленную землю казачьего десятичника Москвитина. У последнего Самойлов взял заимку с пахотной землёй «да с пашенными крестьяны с Демкой Кареевым с товарищи». В результате у Самойлова оказалось 250 десятин земли, которая впоследствии перешла к его сыновьям. Внук его, А. Самойлов, прикупил к ней подле Енисейска деревню Трескину вместе с 2 семьями крепостных в количестве 10 человек и получил крупный земельный участок в Канском уезде, на котором основал село Рождественское. В 30-х годах XVIII в. у Самойлова числилось более 150 тыс. десятин¹⁹.

А. Баробой в статье «Борьба крепостных крестьян Западной Сибири за волю» приводит ряд фактов частного землевладения в Тобольской и Томской губерниях. Как указывает А. Баробой, по решению Правительствующего сената советнику Бабановскому было отмежёвано 135 десятин в Ялutorовском округе, «по соседству с заведённым им селением», и 165 десятин было отведено его брату. В Ишимском уезде надворный советник Белов получил в конце XVIII в. путём пожалования 240 десятин; графу Ивеличу в 1802 г. в Усть-Тарской волости, Томской губернии, была отведена тысяча десятин и т. д.²⁰.

Приведённые данные говорят о том, что в Сибири не было развито частное землевладение феодального типа. Но они ясно свидетельствуют о тенденции к образованию и развитию частной феодальной светской земельной собственности. В Сибири намечался тот же путь развития, по которому шла основная часть страны, с той лишь разницей, что Сибирь вступила на этот путь незадолго до того, как страна в целом уже встала на путь капиталистического развития. Победа капитализма в России привела к сокращению отмеченной тенденции в Сибири.

Несомненно, больших успехов, нежели сибирские служилые люди, достигли в приобретении земель сибирские монастыри, несмотря на то, что в XVII в. правительство весьма сдержанно относилось к росту монастырского землевладения.

К концу века в Сибири насчитывалось тридцать шесть монастырей. Наиболее крупным землевладельцем среди них был Тобольский Софийский дом. По данным переписи 1719 г., Тобольский Софийский дом владел Покровской, Тавдинской и Усть-Ницынской слободами и сёлами Преображенским и Воскресенским, к которым была приписана 51 деревня. В этих 56 населённых пунктах имелось 712 дворов с 2 131 душой мужского пола. Следует учесть, что указанные данные не полны. Исключён, в частности, митрополичий Ивановский монастырь, входивший в состав Софийского дома; отсутствуют в этих сведениях и данные о населении Софийского двора в самом Тобольске²¹.

К сожалению, неполная сохранность источников и своеобразие приёмов измерения земельных площадей в XVII в. не дают возможности точно выяснить размеры земельных владений Софийского дома. Косвенным указанием на их величину может служить приведённое выше количество принадлежавших Софийскому дому крестьянских дворов. Достаточно сказать, что их было больше, чем дворов государевых крестьян в таких уездах, как Томский, Кузнецкий и другие.

Значительными земельными владениями обладал Тобольский Знаменский монастырь. По данным 1720 г., ему принадлежали 34 деревни и 1 се-

¹⁹ См. В. Косованов. Указ. соч., стр. 22—53.

²⁰ См. А. Баробой. Борьба крепостных крестьян Западной Сибири за волю. «Вопросы истории» № 1 за 1948 год.

²¹ СП. Кн. 1605; ср. кн. 487, лл. 165—182.

ло с 228 дворами, в которых насчитывалось 792 души мужского пола²². Мы привели сведения относительно монастырей наиболее крупного административного, горювого и церковного центра Сибири — Тобольска. Но и другие сибирские монастыри имели довольно значительные земельные владения. Так, Успенский Долматов монастырь владел в 1719 г одним селом и 12 деревнями, в которых было 137 дворов с 1079 душами мужского пола и т. д.²³

Даже монастыри, расположенные в северных районах, за чертой возможного земледелия, стремились обзавестись пригодными для земледелия землями, иногда находившимися за сотни километров от самого монастыря. Расположенный к северу от Тобольска «на низ Оби реки» Троицкий Колдский монастырь поставил в 60-х годах у южных границ русских владений на Белом городище, меж государевым Исетским острогом и Терсютской слободой, свой острог²⁴. В 1719 г. в этой исетской «замке» и примыкавших к ней трёх деревнях было 49 дворов с 290 душами мужского пола²⁵. Далёкий Троицкий Мангазейский монастырь имел деревни в Енисейском уезде, вверх по реке от Енисейска, против Казачьего Луга, деревню на реке Кеме, на Усолье по реке Тасею и в верховьях Подкаменной Тунгуски²⁶. Активно занимались расширением своих владений Енисейский Спасский монастырь, Томский Алексеевский, Киренский Вознесенский, Иркутский Знаменский, Троицкий Селегитинский и другие.

Образование монастырских земельных владений происходило в Сибири теми же путями, что и в других районах феодальной России. Наряду с пожалованием земельных участков правительством монастырями широко использовались вклады частных лиц, перекупы и захваты. Например, «государь пожаловал Знаменского монастыря архимандрита Тарасия з братьею землею на Усть реки Вагая и вверх по Вагаю и Бегишевыми горами... пашнею и санными покосами и со всякими угодыями»²⁷. Архимандрит Верхотурского Никольского монастыря Варлаам признавал, что монастырь владеет деревнями по государственной грамоте 1621 г., «а та-де грамота на Верхотурье в приказной избе»²⁸. Рафалова пустынь в трёх верстах от Исетского острога, построенная в 1657 г., владела землёю по «тюменской данной за государевой тюменской печатью»²⁹. В 1682 г. при досмотре земель сибирского митрополита Павла писцу Л. М. Поскочину предъявили «две данные выписи за государевой тобольскою печатью»³⁰ и т. д. Пожалованная земля составляла основную часть земельных владений сибирских монастырей.

Кроме того в монастыри широко притекали земельные вклады. Вкладчиками в большинстве случаев были тобольские служилые люди или их наследники. Земли передавались «на помин души». Иногда эта формулировка прикрывала погашение долговых обязательств монастырю со стороны служилого человека. Так, вдова О. Петрункина отдала в монастырь свою деревню по приказу мужа, который был должен монастырю 40 рублей. В других случаях вклад обеспечивал принятие вкладчика в монастырь. С такой целью вложил в монастырь свою деревню тобольский стрелец М. Шапочкин: «А за ту мою дачу и вклад архимандриту Герасиму з братьею в Знаменском монастыре меня постричи и поить и кормить и одевать и обувать и поконти во всем как и протчню братью и вкладчиков до моя смерти, а пошлет бог по душу мою смерть и меня погresti и

²² Там же. Кн. 1605, лл. 90—116.

²³ Там же, лл. 160 и сл., ср. кн. 487, лл. 121—160, кн. 853, лл. 286—296.

²⁴ Там же. Кн. 1086, лл. 239—260.

²⁵ Там же. Кн. 1605, лл. 150—157.

²⁶ Там же. Кн. 942, лл. 25—40.

²⁷ Там же. Кн. 151, лл. 40 и сл.

²⁸ Там же. Кн. 487, лл. 121—160.

²⁹ Там же. Кн. 1605, лл. 139—146.

³⁰ Там же. Кн. 1086, лл. 221—222, ср. кн. 487, лл. 196—264.

написать в литею и в синодик и поминать»³¹. И. Любимский вложил «деревню свою со всеми угодья» впрок, «а как время приспеет, похощет он. Иван Любимский, или сын его постричься и... их постричи и покоити»³². Часть земельных участков монастыри покупали, и право владения таким участком подтверждалось купчей³³.

Несомненно, что в какой-то мере, и, быть может, в весьма значительной, существовал и захват земель монастырями. Захватывались как пустые, так и имевшие владельцев (ясачного или русского человека) земли. Монастыри стремились узаконить своё право на захваченную землю получением соответствующей документации, но в ряде случаев они владели занятой землёй и без всяких подтверждающих право владения документов. Так, неожиданно для енисейской воеводской администрации в Енисейском уезде «объявилась» деревня Троицкого Мангазейского монастыря³⁴.

Иногда земли, не оформленные царскими или воеводскими дачами, отбирались государством. Однако, несмотря на то, что московское правительство, как уже говорилось, не покровительствовало монастырям в вопросе землевладения, сибирские монастыри сумели в течение XVII в. добиться значительных успехов.

Остальная освоенная русским населением земля в Сибири находилась в пользовании государевых крестьян. Это землепользование зиждилось на тех же основах, что и в центральных районах России. Пользование землёй обуславливалось тяглом, но так как тягло в принципе не должно было прекращаться, то связь лица, несшего тягло, с землёй рассматривалась как постоянная. Непрерывное несение тягла создавало и постоянное пользование земельным участком. С этим сочеталось представление о верховном владельце всех земель — государе, за пользование землями которого и несло тягло. В Сибирском приказе утверждали, что русского «государства природный человек безоборочно и безданно никакими землями и угодьями не владеет». Условность такого владения подчёркивалась формулами: «теми землями владеть против десятинного тягла» и «тех земель не продать и не заложить в монастырь и к церкви не отдать»³⁵. Итак, почти все сибирские земли считались землями «государевыми».

На основе земледелия в Сибири в XVII в. развивалось землевладение всех трёх типов (служилых людей, духовных феодалов, государевых крестьян). Характерной особенностью сибирского сельского хозяйства было использование зависимого труда — этой отличительной черты феодального способа производства.

Наименьшее развитие это явление получило в хозяйствах служилых людей. Здесь зависимый труд почти не имел места, так как служилый человек силами собственной семьи справлялся с работой на пашне. Но в тех случаях, когда хозяйство служилого человека было большим, им привлекалась рабочая сила со стороны. На заимках и в своих деревнях служилые люди в таких случаях использовали «работных» людей, живших у них «в наймах», половников, захребетников, крепостных и т. д.

Одним из обращающих на себя внимание явлений было привлечение на сельскохозяйственные работы рабочей силы по «найму». «Наймом» пользовались как служилые люди, так и другие категории населения. Сибирские служилые люди не раз отмечали, что без «найма» им невозможно вести своё хозяйство. В 1647 г. тобольский воевода И. Салтыков «с товарищами» писал в Москву, что в Сибири «без холостых гулящих людей си-

³¹ Там же. Кн. 151, л. 17.

³² Там же, л. 37, об. 38.

³³ Там же. Кн. 151.

³⁴ Там же. Стлб. 450, лл. 37—38.

³⁵ В. Шунков. Очерки по истории колонизации Сибири, стр. 76—77. М. 1946.

бирским служилым людям в найме в работе нужи, а в выдельном хлебе убыли»³⁶. Попытка переписать ярыжных и устроить их в государево тягло вызвала протест тобольских служилых людей, указывавших, что перепись привела к бегству ярыжных и что «в том учинилось им оскорбление, потому что пахали-де они пашни наемными людьми и впредь-де им пашни пахать некем»³⁷. С аналогичной челобитной в 1605 г. выступали верхотурские служилые люди³⁸.

Под давлением служилых людей, жаловавшихся, что «за безлюдством жать и прятать хлеба наймовать никого не добудут», енисейский воевода Ф. Полибин в 1648 г. велел объявить по торгам, чтоб всякие промышленные и гулящие люди жили б без «всякого сумления... и на всякую работу наймовались»³⁹. В докладе Сибирского приказа 1643 г. даются сведения о привлечении служилыми людьми тобольского и томского разрядов наёмных людей для обработки пашен. Доклад указывает, что «тем хлеб и самим ставитца дорог», что «наимуют казаки на лето в тобольском разряде по 8 и по 9 и по 10 рублей, а в томском разряде и дороже тово многим»⁴⁰. Эту же мысль высказывают томские служилые люди в своей челобитной 1636 года⁴¹.

Часть этих наёмных работников была «срочными работниками», наймавшимися в хозяйство на летнее время. Например, А. Иванов писал об условиях своего найма: «Нанял меня в срок робить всякую работу с светлого христова воскресенья 189 года до покрова пресвятые богородицы. А ряжено было за ту работу дать 55 пуд муки ржаной да 3 рубля с половиной денег да переды красные чарочные да голенища сапожные брацкие»⁴². На «срочные» работы нанимались обычно ярыжки, не устроившиеся промышленные люди, разорившиеся крестьяне. Крестьянин Кудинской Красной слободы Ф. Глупой, забросивший остатки своего хозяйства и перебравшийся в Иркутск, оттуда «ходит з детьми своими по деревням, работает»⁴³. Оплата труда срочного работника хлебом была, очевидно, распространённым явлением. Илимский воевода Т. Вындомский в своей отписке 1662 г. писал о покупке хлеба у гулящих людей, «которой емлют эти гулящие люди у пашенных крестьян и у всяких людей вместо денег за наем свой»⁴⁴.

Социальное лицо срочного работника определялось не только тем, что взаимоотношения его с хозяином были временными и прекращались по истечении срока найма, но и местом, которое он занимал среди других работников хозяина. В небольших сибирских хозяйствах наряду со срочными работниками использовались и феодально зависимые люди. Сибирские служилые люди XVII в., не задумываясь, ставили в один ряд этих работников: «И наши работники: и строчные и кабальные и дворовые люди». (Челобитная илимцев 1657 г.⁴⁵.) Более того, они ставили срочных работников в те же условия, что и другие категории работников. В упомянутой челобитной илимцы негодуют на то обстоятельство, что «строчные и кабальные и дворовые люди, заворовав и забрався из строков, убегают в Якуцкой присуд. А те приказные люди тех воровских людей не выдают». В 1669 г. илимцы жаловались на селенгинцев, что последние тайно приходят в Илимский уезд «и людишек наших и наемных работных людей воровским своим вымыслом и обманом бежать подговаривают и

³⁶ СП. Стлб. 264, лл. 1—17.

³⁷ Там же.

³⁸ «Акты исторические». Т. II. № 51.

³⁹ СП. Стлб. 289, лл. 109—110.

⁴⁰ Там же. Стлб. 1673, лл. 21—118.

⁴¹ Там же. Стлб. 53, лл. 154—160.

⁴² ЦГАДА. Ф. Иркутской приказной избы, стлб. 8, лл. 9—12.

⁴³ Там же. Стлб. 326, л. 2.

⁴⁴ СП. Стлб. 586, лл. 276—281.

⁴⁵ Там же. Стлб. 470, лл. 342—348.

к себе призывают... И наемные и дворовые людишки наши... бегают»⁴⁶. В этих строках проглядывает явное стремление задержать у себя срочного работника, рассматривать его в ряду с дворовыми людьми.

Увеличение срока найма на несколько лет, оформленное жилой записью, окончательно превращало срочного работника в длительно зависимого человека. Такова была судьба П. Бартенева, о котором упоминается в записной книге крепостям по гор. Томску 1705 года. Взяв у томского сына боярского Ф. Бубеннова 8 руб., Бартенева обязался «за те вышеписанные деньги по договору жить у него, Федора, в доме в нынешнем 1705 г. марта с 1-го числа впредь три года... а живучи работать всякая домашняя дворовая и деревенская работа... а пить и есть... его хозяйское, а платье и обувь носить свое. И ему, Федору, меня, Петра, от всякого дурна унимать и по вине смотря смирять»⁴⁷. Крестьянин Волфов также дал жилую запись на себя и на свою жену сроком на 7 лет⁴⁸. В. Япанчинец и М. Орёл, кормившиеся «от нужи» в течение двух лет работой в Мангазее, попали в ещё более длительную зависимость. В. Япанчинец кормился работою во дворе у мангазейского воеводы Г. Орлова. Последний взял его к себе, «женил во дворе и вывез к Руси». Мартынка Орла «вывез к Руси дьяк Василий Атарский»⁴⁹ и т. п.

Феодальный характер «найма» срочного работника хорошо раскрывает «строшная жилая запись», поданная пашенным крестьянином Сосновского острога Томского уезда И. Зубовым для записи в записную книгу города Томска в 1702 году. «Лета от р. х. 1702 году февраля в 6 день томский посадский человек Омелян Васильев сын Титов поступился я в Томском же Сосновом острогу пашенному крестьянину Ивану Павлову сыну Зубову строшным своим детиною Сергушкою Силантьевым Скурихиным, которого я Омелян детину скупил у томского сына боярского Никиты Лаврова на полпята года, а скупу за него Сергушку я Омелян дал ему Миките 10 рублей денег. И ему Ивану того моего срочного держать у себя в сроке те вышеписанные полпята года». Запись заканчивается словами: «В том я Омелян на ту Сергушкину крепость и поступную дал». Этот и другие примеры вскрывают особый характер феодального «найма», который превращал «свободного» человека в зависимого на время, а иногда и навсегда. Условия жилой записи и биографии таких наёмных людей показывают, что их положение немногим отличалось от положения дворового крепостного человека. Этот пример указывает также и на то, что в использовании рабочей силы в хозяйствах служилых людей существовала та же тенденция, что и в землевладении, — тенденция крепостничества.

Феодальный характер других категорий рабочей силы (половники, дворовые, крепостные) едва ли может вызывать какие-либо сомнения. Таким образом, растущие хозяйства части сибирских служилых людей основывались на феодально-зависимом труде.

Взаимоотношения этих работников с хозяевами ярко рисует илимский воевода Л. Обухов в отписке 1666 г.: «Многие гуляющие люди у детей боярских и у подьячих и у всяких служилых людей... живут по крепостям в холопстве и в сроках и в кабальных долгах до урочных лет. И те крепостные люди... урочных лет не дожив, заворовав жилецких всяких чинов людей животы их крадут и над домами и над всяким животом всякое наругательное и душегубное убойство чинят»⁵⁰.

Среди закрепощаемых и закрепощённых сибирскими дворянами и детьми боярскими людей мы видим как представителей местного населения, так и русских. Отмена в 1654 г. запрещения 1624 г. «в Сибири и

⁴⁶ Там же. Стлб. 813, лл. 9—11.

⁴⁷ Там же. Кн. 1428, л. 269-а и сл.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. Стлб. 83, лл. 552—554.

⁵⁰ Там же. Стлб. 586, л. 264.

Астрахани всяким людем татар и татарченков покупать» делала законным закрепощение местного населения⁵¹. Но нужно учесть, что закрепощались почти исключительно ясырные люди, так как ясачным человеком правительство не хотело поступаться. Сохранились записи купчих на дворовых людей «колмацкой породы», на «полонных женок и девочек» и т. д. Однако уже приведённый выше материал свидетельствует о том, что закрепощению подвергалось не только местное население. Позиция в этом вопросе С. С. Шашкова и других, писавших о Сибири, не подтверждается конкретными материалами. Русских закрепощали так же, как и ясырей-колмаков. Выпись из сказок о душах мужского пола 1719 г. отметила по Березову 38 дворовых людей, из них 22 русских⁵².

Количество зависимых людей в хозяйствах сибирских служилых людей в связи с тем, что эти хозяйства были небольшими, было незначительно. У томского сына боярского С. Круглика на займке дозорная книга 1703 г. отмечает 9 работных людей⁵³. Списки о душах мужского пола по городу Нерчинску 1719 г., включающие сказки 39 дворян и детей боярских, свидетельствуют о наличии крепостных «деловых» (работных) людей у 24 человек. Списки не оставляют сомнений в назначении этих людей. Часть из них была занята дворовой работой, другая часть — в сельском хозяйстве.

Использование феодально-зависимого труда получило развитие в XVIII веке. А. Баробой на основании материалов Омского областного архива устанавливает наличие в Западной Сибири в XVIII в. свыше 50 помещичьих имений, среди которых были достаточно крупные (имение Панаевой с 502 крепостными, имение Пономарёвой с 649 крепостными). Он приводит данные, согласно которым в Тобольской и Томской губерниях в 1817 г. насчитывалось 7 678 крепостных — цифра, по справедливому замечанию автора, значительно преуменьшенная⁵⁴. В Енисейской губернии по реформе 1861 г. было освобождено 3 700 человек⁵⁵. Нужно думать, что и эта цифра меньше действительной и, конечно, меньше цифр конца XVIII — начала XIX века. Первая половина XIX в. была временем, когда количество крепостных сокращалось.

Данные XVIII в. дают ряд ярких примеров классовой борьбы сибирских крепостных крестьян против своих угнетателей — сибирских помещиков. Убийство крепостными крестьянами своего помещика енисейского дворянина Сухотина, покушение крепостных на помещицу енисейскую дворянку Родюкову, на помещика Главинского и др. являлись ответом на крепостнический гнёт. Эти факты полностью соответствуют явлениям, наблюдавшимся в центральных районах страны. Теми же мерами, что и помещики центральных губерний, сибирские помещики расправлялись с крепостными. В арсенале их были те же плеть, кнут, вызов воинских команд, ссылка на каторжные работы.

Все социально-экономические явления в жизни Центральной России повторялись в сибирской действительности в меньших размерах. Сибирские служилые люди не сумели освоить в Сибири сколько-нибудь значительную территорию, не сумели они и закабалить сколько-нибудь значительную часть сибирского крестьянства. Тем не менее хозяйство сибирских служилых людей в тех случаях, когда оно достигало размеров, требующих эксплуатации чужого труда, развивалось как хозяйство феодально-крепостнического типа и по способам приобретения земли (государева дача за службу и захват) и по способам эксплуатации труда (неполная собственность на непосредственного производителя материальных благ). Эти явления представляли собой одну из основных черт хозяйства России, неотъемлемой частью которого становилась Сибирь.

⁵¹ Там же. Стлб. 446, лл. 268—270.

⁵² Там же. Кн. 1621, л. 258 об.

⁵³ Там же. Кн. 1371, л. 1 и сл., ср. кн. 1621, л. 1 и сл., кн. 1371, л. 1 и сл.

⁵⁴ См. А. Баробой. Указ. соч., стр. 77—83.

⁵⁵ См. В. Косованов. Указ. соч., стр. 22—53.

Значительно больших успехов в организации крупных хозяйств достигли монастыри. Не только Тобольский Софийский дом, но и такие монастыри, как Тобольский Знаменский, Томский Алексеевский, Мангазейский Троицкий и другие, деятельно обзаводились пашнями. Тобольский Знаменский монастырь в своих вотчинах по реке Вагаю к 1642 г. имел 828 десятин пашни (276 десятин в поле). Кроме того 120 десятин (около 40 десятин в поле) монастырской пашни простиралось по Иртышу под Тобольском. Судя только по этим данным, на монастырских землях распахивалось до 1 000 десятин⁵⁶. Невьянский Богоявленский монастырь, по переписи 1699 г., имел запашку в 252 десятины (84 десятины в поле). Кроме того монастырскую землю пахали «на себя» монастырские крестьяне. Крестьянская пашня занимала примерно 378 десятин (126 десятин в поле). Всего распахивалось 630 десятин (210 десятин в поле) монастырской земли⁵⁷. Небольшой Верхотурский Никольский монастырь, в котором в 1699 г. было всего 16 человек братии, распахивал 127,5 десятины (42,5 десятины в поле)⁵⁸; подобных примеров не мало⁵⁹.

В качестве рабочей силы в монастырских хозяйствах использовались монастырские крестьяне, половники, трудники, срочные наёмные работники, бобыли и отчасти вкладчики. Но основной рабочей силой являлись монастырские пашенные и оброчные крестьяне. Процесс образования этого контингента крестьян был аналогичен процессу образования контингента государевых пашенных и оброчных крестьян. Здесь тоже почти не играл никакой роли организованный перевод крестьян из европейской части страны. Вновь организуемые сибирские монастыри не являлись ответвлениями центральных монастырей. Они возникали независимо от последних и самостоятельно заселяли свои земли⁶⁰.

Сибирские монастыри поселяли и эксплуатировали на своих землях гулящих людей, предоставляя им, как и в государевых сёлах, некоторые льготы на несколько лет от несения повинностей в пользу монастыря и оказывая иногда «подмогу» для первоначального устройства. Б. Аршинский, характеризуя население Бегичевых гор, принадлежавших Тобольскому Знаменскому монастырю, писал в 1642 г., что там жили «монастырские льготные крестьяне, которые приезжают с Руси из разных городов и поселились на монастырской земле на пашенных местах, и для новые селитьбы и розчистки земляные дано им льготы на 3 годы»⁶¹.

Временно «льготные крестьяне» встречаются и в других монастырях. Помимо надела, выделенного для личного, «собинного», хозяйства, монастырь выдавал иногда таким крестьянам денежную или натуральную «подмогу». Митрополит Киприан, например, «на порожнюю землю на пашню насаждал крестьян и подмогу тем крестьянам давал на пашенный завод из Софийской казны». Крестьянин получал живой и мёртвый хозяйственный инвентарь (лошади, сошники, серпы и т. д.). Получение «подмоги» оформлялось специальным актом: «А которые крестьяне имали кони из Софийской казны и в тех конех архиепископ Киприан имал... кабалы»⁶².

Получив подобную «помощь», порядчик заводил собинное хозяйство. В большинстве случаев его запашка была невелика. Средняя запашка крестьянского двора в иртышских деревнях Знаменского монастыря составляла примерно 1,6 десятины в поле (то есть до 5 десятин); средняя собинная запашка крестьян Верхотурского Николаевского монастыря — 1,3 десятины в поле на двор (всего до 4 десятин); в Исетской

⁵⁶ СП. Кн. 151, л. 40 и сл., кн. 1086, л. 12 и сл.

⁵⁷ Там же. Кн. 1235, лл. 86—88, кн. 853, лл. 151—183.

⁵⁸ Там же. Лл. 1—10.

⁵⁹ См. там же. Кн. 1086, л. 261 и сл.

⁶⁰ Там же. Ср. кн. 151, л. 40 и сл.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же. Кн. 7, л. 127.

заимке Устюжского Архангельского монастыря пахали по 1,5 десятины в поле на двор (всего 4,5 десятины)⁶³.

Надельное собинное хозяйство обязывало монастырского крестьянина выполнять повинности в пользу монастыря. Основными видами повинностей был оброк (рента продуктами или денежная) и обработка монастырских десятинных пашен (рента отработочная).

Крестьяне Невьянского Богоявленского монастыря, Троицкой Рафаловой пустыни, Верхотурского Никольского монастыря выделяли владельцам «с посевов своих хлеба пятый сноп»⁶⁴. Крестьяне Тобольского Знаменского монастыря платили четвёртый сноп⁶⁵. Крестьяне Исетской слободы Устюжского Архангельского монастыря платили «половину хлеба»⁶⁶ и т. д.

Сведения о полном или частичном переводе на денежный оброк имеются относительно ряда монастырей. Денежный оброк платили в 70-х годах крестьяне митрополичьей Усть-Ницинской слободы⁶⁷; деньгами платил крестьянин Верхотурского Никольского монастыря, живший в монастырской деревне по реке Сосьве, и другие. В том же монастыре ряд крестьян платил оброк частично деньгами и частично натурой. Но нужно думать, что удельный вес денежного оброка в монастырском хозяйстве был незначителен. Книги Верхотурского Никольского монастыря 1699 г. содержат сведения о количестве «за монастырем крестьян и что с них в год выходит денежного оброку и хлеба». По данным этих книг легко установить, что монастырь, стоявший на большом торговом пути, брал главным образом хлебный оброк⁶⁸.

В ряде сибирских монастырей наряду с крестьянской надельной запашкой существовала «барская» запашка. По данным 1679 г., крестьяне митрополичьей Пышминской слободы «на митрополита пашут десятинную пашню», с той «десятинной пашни бывает в приходе» 260 четей всякого хлеба⁶⁹. «Софейские митрополю десятинные пашни» площадью в 66 десятин (22 десятины в поле) упоминаются в описании Софийского сельца Комарицкого. Наряду с десятинной пашней отмечена и «крестьянская пахота» в 37 десятин в поле⁷⁰. Десятинные монастырские пашни отмечены и в ряде монастырей (Иркутский Вознесенский монастырь, Невьянский Богоявленский и др.).

Обязанности крестьян, работавших на «барщине», обычно определялись в порядных записях лиц, поряжавшихся во крестьяне. Гулящий человек Шадунов дал запись в Иркутский Вознесенский монастырь, по которой он обязывался: «Пахать мне на Вознесенский монастырь на Белой реке по полудесятине ржи на год... А на ту пашню семена имать из Вознесенской казны... а которая пашня будет спахана и мне тот измолоченный хлеб привозить... в Вознесенскую житницу и отдать житнишками приемщикам»⁷¹. Иногда обработка на монастырском поле комбинировалась с оброком⁷².

Помимо основной повинности монастырские крестьяне были обложены рядом изделий. Мирской выборный «старостиншко» села Покровского Невьянского Богоявленского монастыря в челобитной об освобождении крестьян села от участия в починке стен и башен города Верхотурья перечислил следующие «изделия» в пользу монастыря: готовят известь на постройку соборной церкви и делают «всякое домовое каменное дело»

⁶³ Там же. Кн. 853, лл. 185—191; кн. 1086, л. 261 и сл.

⁶⁴ Столбцы Верхотурского уездного суда № 23, лл. 161—162.

⁶⁵ СП. Кн. 1086, лл. 12—40.

⁶⁶ Там же, л. 261 и сл.

⁶⁷ Там же, л. 186.

⁶⁸ Там же. Кн. 1235, лл. 1—10, 11—26.

⁶⁹ Там же. Кн. 487, л. 1.

⁷⁰ Там же. Кн. 1086, л. 54 и сл.

⁷¹ ЦГАДА. Ф. Иркутской приказной избы, стлб. 20, л. 1.

⁷² См. СП. Кн. 487, л. 182 об. и сл.

для митрополита Сибирского Игнатия; ежегодно высылают в митрополичий двор на дворовые поделки по 5 человек; строят в монастыре шесть мельниц колесчатых; прудят мельничные пруды «на больших» реках; косят на монастырь сено «всеми головами дни по два в неделе з женщинами и з детишками своими»; снимают монастырский сев и возят в монастырь хлеб («всеми головами и жнем и молотим»); дрова на монастырский расход и в заимки готовят; делают крупы и толокно; возят «наземы». В заключение говорилось: «Всеякие их монастырские дворцовые работы робим и строим. И от тех всех работ немерных разоряем в конце»⁷³.

Крестьяне, несшие отработочную, натуральную, натурально-денежную или, наконец, денежную повинность, не были свободными людьми. Прикрепление крестьянина к земле, к монастырю оформлялось крестьянской записью или внесением крестьянина в переписные книги за монастырём. Запись порядившегося во крестьяне хранилась в монастырской казне как формальное доказательство прав монастыря на порядчика. Запись «крепила» человека за монастырём⁷⁴. Вторым способом оформления крестьянской крепости было внесение крестьянина в переписные книги за монастырём⁷⁵.

Взаимоотношения с монастырём вольного человека, порядившегося в монастырь в крестьяне, хорошо выражены в записи А. Плотникова, порядившегося в 1675 г. в Верхотурский Никольский монастырь с детьми «на вечное житье по смерть свою и детей своих». Правда, А. Плотников долго не прожил за монастырём. Через 8 лет архимандрит Никольского монастыря Игнатий «поступился на вечно» тем крестьянином в Софийский дом⁷⁶. Наследственность крестьянской крепости подтверждается также записью гулящего человека Б. Шадунова, порядившегося в Иркутский Вознесенский монастырь в 1681 г.: «А жить мне Богданке до своей смерти и после смерти жить сыну моему Роману Богданову в том моем тягле»⁷⁷. Ефим Никитин пришел в Знаменский монастырь в крестьяне с небольшим вкладом («треть своей деревни»). В своей записи он обязался «жить за Знаменским монастырем во крестьянах по свою смерть», «а живучи... давать мне... по рублю на год беспереводно и по свою смерть... а из монастыря никуда без отпросу не выходить. И живучи за монастырем с татьми и с разбойники не водитца и деревни не покинуть и не збегать и в монастырь никоторого убытку не привести...». В случае нарушения обязательства Никитин должен был внести в монастырь 10 рублей «заряда» (штрафа)⁷⁸. Освободиться от монастырской крепости крестьянин мог, только получив на это согласие монастыря⁷⁹.

Кажущимся несоответствием этой типичной картине феодального хозяйства является выполнение некоторых сельскохозяйственных работ в сибирских монастырях наёмными работниками. В записи книги Невьянского Богоявленского монастыря 1699 г. указывается: «У монастыря пашни 26 десятин с полудесятиною в поле, а пашут тое пашню наймом, гулящими людьми». Кроме этой подмонастырской пашни у монастыря имелась запашка около 60 десятин в поле, «а пашут тое пашню наемными гулящими людьми»⁸⁰.

Книга Верхотурского Никольского монастыря отмечает наличие монастырских пашен, которые монастырь пашет «собою». Это понятие разъяснено в книге следующим образом: «А пашню они пашут и сено косят

⁷³ Стлб. ВУС № 23, лл. 161—163.

⁷⁴ СП. Кн. 535, л. 25 и сл.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же. Кн. 1086, лл. 76—77.

⁷⁷ Там же. Кн. 151, лл. 19—22.

⁷⁸ ЦГАДА. Ф. Иркутской приказной избы, стлб. 20, л. 1, ср. СП. Кн. 7, л. 76 и сл.

⁷⁹ СП. Кн. 535, лл. 25—80.

⁸⁰ Там же. Кн. 1235, лл. 86—88.

у монастыря и в деревнях наемными людьми и вкладчики» или «а пашню в той деревне пашут и сено косят наемными гулящими людьми»⁸¹.

Гулящие люди «нанимались» на срок. Поэтому другое их название — «строчные», «строшные» люди. Знаменскую монастырскую пашню, расположенную около монастырского «дворца» над рекою Вагаем, пахали монастырские детёныши и «гулящие люди наемные, которых наймут в срок на год и на полтора»⁸².

Подобно пашенным крестьянам, эти гулящие люди — «срошные» работники — свои взаимоотношения с монастырём обычно оформляли записью. В описании Долматова монастыря, сделанном в 1699 г. Е. Шубиным, имеется специальный раздел: «Гулящие люди разных городов нанялись в Долматов монастырь работать всякую монастырскую работу в прошлом 1668 году по записям на год»⁸³. Сами работники показали: «Нанялись... на год работать всякую монастырскую работу, а найму взяли из монастыря на год по 6 рублей человеку... а покамест работать-де им в монастыре и до тех-де мест дали они на себя в Долматов монастырь поручные записи». По обыкновению часть таких работников работала без записи.

Указанные выше монастыри, лежавшие на большой дороге из Центральной России в Сибирь, по которой шёл в Сибирь «гулящий люд», очевидно, имели возможность довольно широко использовать данную форму труда. Но нужно сказать, что и в этих монастырях «наемные работники» не были основной рабочей силой. В той же, правда неполной, описи Долматова монастыря упомянуто 24 крестьянских двора и 7 «наемных гулящих людей».

Контингент подобных временных наёмных работников служил для монастырей одним из источников, из которого они получали уже постоянную рабочую силу. О крестьянине Долматова монастыря К. Дементьеве сказано, что в прошлом он гулящий человек Тобольского уезда, «кормился работою по деревням», а в момент переписи «пашню имеет и дает выделный хлеб». В переходном состоянии, очевидно, были Г. Емельянов, В. Захаров, К. Юрьев и другие. Последний ещё не имел своего двора и жил на подворье у другого крестьянина, но уже платил выделный хлеб. О Захарове сказано, что он «кормится работою» и «записи не дал», но помечен он уже пашенным крестьянином. Г. Емельянов назван гулящим человеком, но живёт он за монастырём с 1660 г., то есть уже девятый год, и записан среди крестьян монастырской деревни. Краткосрочный наём превращался в долгосрочную и бессрочную работу.

Особой формой превращения вольного гулящего человека в человека зависимого являлось вкладничество, при котором вкладом служил труд человека. Часть гулящих людей, числившаяся в срочных работниках в момент переписи Долматова монастыря, работала в нём по записи «за вклад». «Вкладная» работа иногда определялась сроком; например, И. Соколов за вкладную обещал работать два года. После этого он надеялся получить вкладную и поступить в число братии. Очевидно, и это происходило не всегда; гулящий человек И. Логинов продолжал работать всякую работу за вклад, хотя «вкладная-де ему Илюшке из монастыря дана». Часть гулящих людей работала за вклад «без срочных лет». Как долго могла тянуться подобная отработка, показывает пример гулящего человека чердынца Т. Гаврилова, который к 1669 г. прожил в монастыре уже 15 лет и всё ещё работал за вкладную, а «по обещанью жить в монастыре до смерти».

В отличие от вкладчиков, вносящих в монастыри свои деревни и заимки и тем самым покупавших себе покойную жизнь в составе братии,

⁸¹ Там же. Кн. 487, л. 121 и сл.

⁸² Там же. Кн. 151, л. 40 и сл., ср. кн. 1235, лл. 11—26, кн. 1191, лл. 245—257.

⁸³ Там же. Кн. 535, лл. 25—80.

вкладничество данной категории являлось одной из форм феодальной эксплуатации монастырём зависимого от него населения. Этим путём часть «наёмных» гулящих людей превращалась в феодально-зависимое население сибирских монастырских вотчин⁸⁴.

Помимо срочных работников в монастырских книгах упоминаются просто работники, работные люди. К последним нельзя применить ни термин «наёмный», ни термин «гулящий человек». Работные люди крепки монастырю так же, как и крестьяне, отличаясь от последних тем, что не имеют собиного хозяйства и пашни. Они обычно упоминаются, как работники при скотных дворах, мельницах и т. д. В описании 1625 г. владений Софийского дома по речке Шанталыке сказано: «Мельница, двор конюшей и коровей. На дворе хором три избы, 4 клетки, да конюшня и коровня крыта соломою... А людей на мельнице живут работных 7 человек». В описании 1684 г. в домовых софийских мельницах с конюшней и скотным двором отмечено 22 софийских работника⁸⁵. Среди софийских работников были крестьянские сыновья митрополичьих слобод, переведённые в разные годы на монастырский скотный двор, были и работники «колмацкой породы». Все они числились за монастырём по писцовым книгам⁸⁶.

Монастырские расходные книги показывают нам путь, который приводил русского человека в подобное положение. В расходной книге Верхотурского Никольского монастыря читаем: «Дано Гришке Бабину на расплату долгов 3 рубли, а за те деньги ему Гришке жить в монастыре вечно, по смерть свою»⁸⁷.

По своему социальному положению и хозяйственной деятельности монастырские работники тождественны дворовым людям светских владельцев.

Весьма близки к работникам — работным людям — по своему положению «монастырские детёныши», «трудники», «служебники». В переписной книге Долматова монастыря 1669 г., например, не упоминаются работники, но зато перечисляются монастырские детёныши. Детёныши выполняли в монастыре по записи «всякую работу». Эта заменяемость одного термина другим и возможность посылать детёныша на всякую работу приравняет их к работникам и позволяет видеть в них, как и в последних, категорию «разнорабочих» монастырских людей, не ведших своего наделного хозяйства. Упомянутые в той же переписи 6 трудников также делали «всякую работу». О двух из них говорилось как о работниках «из найму»: один «жернова кует», другой «в мельниках». Эти двое дали на себя записи, остальные жили без записей⁸⁸.

Другим названием работников, нужно полагать, было «служебники». В челобитной Невьянского Богоявленского монастыря (имеющейся в двух вариантах) в одном из вариантов употреблён термин «монастырские работники», в другом вместо него — термин «служебники»⁸⁹.

К пашенным монастырским крестьянам близки монастырские половники. Половники упоминаются в переписных книгах почти всех монастырей. Это пришлые в Сибирь люди, оседавшие на монастырской пашне. В Вагайской вотчине Знаменского монастыря числилось 20 дворов половников, из них 5 пришедших с Сысолья, 3 — из Устюга, 3 — с Ваги, 2 — с Пинеги, 1 — с Вычегды, 1 — с Перми и т. д. Почти обо всех них в переписной книге говорится: «Приехал в Сибирь в гулящих людях и, женясь, живет-де в монастырских половниках по записи»⁹⁰. По данным порядных

⁸⁴ Ср. там же.

⁸⁵ Там же. Кн. 7, л. 101 и сл., кн. 1086, лл. 41—53, ср. л. 41 и сл.

⁸⁶ Там же. Кн. 1086, л. 41 и сл.

⁸⁷ СП. Кн. 1235, лл. 27—62.

⁸⁸ Там же. Кн. 535, лл. 25—80.

⁸⁹ Там же. Стлб. 65, лл. 265—266. 272.

⁹⁰ Там же. Кн. 151, л. 40 и сл.

Тарского Спасского монастыря, в половничество поряжались на несколько лет (5, 7, 10). Монастырь отводил половнику землю, выдавал скот (лошадь, корову), сошники, косы, серпы, зерно для посева. Половник обязывался «упахать» хлеб на монастырской земле, вернуть в монастырь семенной материал и разделить с монастырём пополам «приполон». Помимо этого половник должен был поставить в монастырь сажень дров, два дня косить сено, два дня возить наём. Изделия варьировались в зависимости от нужд монастырского хозяйства. Иногда в половничих порядках читаем об обязанности делать крупу, толокно и т. п. Как правило, изделия точно оговаривались в порядной. Живой и мёртвый инвентарь представлялся половнику лишь во временное пользование, и половник отвечал за его сохранность⁹¹.

Довольно пёструю картину представляли монастырские бобыли. Они отмечаются почти во всех монастырях. Пестрота состава бобылей не раз привлекала внимание исследователей⁹². В немногих случаях бобыль — это человек, не имеющий хозяйства. Не имея своего двора, бобыль живёт по подворьям. Таким бобылём был бобыль Верхотурского Никольского монастыря Я. Васильев, который «пашни на себя не пашет и сена не ставит и податей никаких в Никольский монастырь не платит... а двора у него своего нет, живет по чужим по дворам»⁹³. Такие бобыли встречаются иногда на монастырских скотных дворах, мельницах, поварнях и т. д.⁹⁴. В других случаях бобыль имел свой двор и «собинное» хозяйство. Бобыльские дворы также отмечаются во многих монастырях⁹⁵.

Разнообразны были и повинности бобыля в отношении монастыря. Иногда мы видим бобылей среди монастырских работников. Семнадцать бобылей, живших на монастырской земле возле Знаменского монастыря, платили, как и большинство бобылей, денежный оброк. Но едва ли можно утверждать существование какого-либо одного бобыльского оброка. Бобыли монастырской деревни за Вагасм платили оброк от рубля до полтины в год⁹⁶. Некоторые бобыли пахали монастырскую землю исполу: например, бобыль Ф. Борисов «пашни на себя пашет десятину... с пашни с Верхотурской ему Федька того хлеба половина, потому что сеял тот хлеб на монастырскую распашную землю». Такой бобыль по своим обязанностям сближался с монастырским половником⁹⁷.

Но для всех бобылей характерна одна общая черта — принадлежность монастырю: это не просто бобыли, это монастырские «бобыльки». При описании Тобольского Знаменского монастыря писец перечислил людей, живших на монастырской земле. Среди них он отметил лиц, не принадлежавших монастырю: «Поселились на монастырской земле служилые и посадские и всяких чинов люди, а з дворовых мест в монастырь платят годовой денежный оброк». Но, говоря о живших тут же бобылях, писец подчеркнул: «Живут монастырские бобыли». Об О. Мухомыге писец записал: «Монастырский бобыль старинный»⁹⁸.

Приведённый материал, подчёркивая принадлежность бобыля монастырю, даёт основание относить бобылей к группе зависимых от монастыря людей. Характер выполняемых ими повинностей в пользу монастыря делит бобылей на две группы. Одна группа, занятая выполнением сельскохозяйственных работ, сближается по своему положению с монастырскими половниками или с монастырскими крестьянами. Эта группа сибирских монастырских бобылей, очевидно, проходила тот же путь раз-

⁹¹ Там же. Кн. 535, л. 916 и сл.

⁹² См. Б. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 734—759. М. 1946.

⁹³ СП. Кн. 1235, лл. 1—10.

⁹⁴ Там же. Кн. 1086, лл. 82—139.

⁹⁵ Там же. Кн. 151, л. 40 и сл.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же. Кн. 1086, лл. 12—40.

вития, что и бобыли европейской части России, который закончился указом о подворной подати 1679 г. и привёл к слиянию в податном отношении крестьян и бобылей. Другая группа бобылей, обслуживавшая монастырские конюшни, поварни и т. п., была близка к работным людям и образовывала вместе с ними тот контингент людей, который позднее получил название дворовых. Обе эти группы шли в одном направлении — к монастырской крепости.

Сибирские монастыри в поисках рабочих рук для своих разрастающихся хозяйств кабелили и русское (главным образом) и местное население. Используя различные формы — запись в крестьянство, половничество, работников, срочных работников «по найму» и т. д., — они втягивали в свои феодальные хозяйства и закрепощали значительное количество людей. По ведомости сибирских городов 1698—1699 гг., 14% крестьянского населения Сибири было в руках монастырей. По всей вероятности, действительный процент был выше, так как монастырскими крестьянами, как мы видели, не ограничивался контингент закрепощаемых монастырями лиц.

Наряду с хозяйствами служилых людей — сибирских помещиков, имевшихся в Сибири, хотя и в редких случаях, — существовало несколько десятков монастырских хозяйств. Организация монастырских хозяйств, формы эксплуатации труда в них были такими же, как и в монастырях центральных областей феодальной России.

Основным сельским населением Сибири в XVII в. были так называемые государевы крестьяне. Эта особенность резко отличала Сибирь от Центральной России. Поэтому решение вопроса о социальной природе сибирской деревни XVII в. в целом зависит от того, как будет решён вопрос о социальной природе сибирских «государевых» крестьян.

Сибирское крестьянство в XVII в. было молодым крестьянством. История его существования насчитывала лишь десятки лет. Сибирские деревни и сёла в XVII в. были поселениями, жители которых пришли из разных мест России. Население деревни Тобольского разряда Заимка в 1669 г. состояло из 18 дворов. При переписи выяснилось, что четверо жителей пришли из Кунгура, двое — с Ваги, двое — из Туринского уезда, двое — из Соли Камской и по одному из Устюга, Каргополя, Мезенска, Мурзинской слободы Тобольского уезда, с Двины, из Пискорского монастыря, Яренска, Казани, Невьянской слободы Верхотурского уезда⁹⁹. В деревне Кузнецовой Енисейского уезда по дозорной книге 1690 г. числился 21 двор. Четверо из владельцев дворов прибыло из Москвы и Московского уезда, четверо — из Коломенского уезда, четверо — из других деревень Енисейского уезда, двое — из Важского уезда и по одному — из Муромского уезда, Шацка, Севска, Михайловского уезда, Мценска, Скопина, Тотьмы¹⁰⁰.

Этот люд часто оседал на сибирских землях так же в одиночку, как он и приходил в Сибирь. Типичную для сибирских деревень картину даёт описание Б. Аршинского 1642 г. деревни на Бегишевых горах: «Живут... крестьяне, которые приезжают с Руси из разных городов... живут на Бегишевых горах в разных местах, дворами селились и пашнями врознь же»¹⁰¹. В этом пёстром мире сталкивались между собой государственный крестьянин Поморья, крепостной крестьянин среднерусских и южнорусских вотчин, монастырский крестьянин из монастырских вотчин Центральной России, служилый человек по прибору, военнопленный и т. д. Всех этих разных людей объединяло то общее, что они приходили в Сибирь, спасаясь от феодально-крепостнического гнёта и на-

⁹⁹ Там же. Кн. 535, л. 25 и сл.

¹⁰⁰ Там же. Кн. 1419, лл. 33—137, ср. кн. 941, лл. 80—182.

¹⁰¹ Там же. Кн. 151, л. 40 и сл.

деясь найти здесь избавление от него. В Сибири они постепенно превращались в более или менее однородную массу «сибирских государевых крестьян», неизбежно подчиняясь местным условиям и новым требованиям.

Возникновение сибирских деревень, как правило, происходило после появления в данном районе отрядов служилых людей и постройки городов и острогов, бывших военно-опорными пунктами и административными центрами. Пришлый люд оседал на земле, создавал деревни в условиях энергичной деятельности правительства по освоению Сибири и по созданию местной хлебной базы, обеспечивавшей сибирские военные гарнизоны, администрацию и т. д. Если правительство не сумело организовать переселение из России, то оно нашло достаточно сил, чтобы воздействовать на самостоятельно шедший приток переселенцев.

Правительственная деятельность шла по уже не раз испытанному пути организации крупных хозяйств так называемой государевой десятинной пашни. Принципиального значения не имело то, достигалось ли это путём создания выделенных цельными массивами государевых полей, как это имело место во всех уездах Тобольского разряда, в Томском и Енисейском уездах, или путём выделения дробных участков, разбросанных по отдельным крестьянским хозяйствам, как это было в Илимском и Якутском уездах. В том и другом случае существовало «государево» хозяйство со своей администрацией, своими расходами и доходами, обеспечивавшее потребности служилого люда. С этим хозяйством и сталкивался переваливший через Урал выходец из того или иного района России. Он находил здесь не просто необозримые просторы земель, но земли если и не принадлежавшие частным земельным собственникам, то имевшие хозяина в лице государства, которое было одновременно и земельным собственником и сувереном. От этого хозяина он должен был получить участок земли, у него же он искал и помощь при первоначальном заведении хозяйства.

За право пользования участком земли для личного, «собинного» хозяйства и за предоставленный в какой-то форме (ссуда, подмога) сельскохозяйственный инвентарь новопоселенец обязан был обрабатывать известное количество земли «на государя». Итак, надел и отработка были непременными условиями существования как государева хозяйства, так и хозяйства крестьянского. Нет основания рассматривать эту отработку, осуществляющуюся в пользу государства, только как налог. В данном случае налог и рента совпадали¹⁰².

Указанные взаимоотношения поселенца и хозяина земли — государства — чётко фиксировались сначала в порядных и поручных записях, а позднее в переписных и дозорных книгах.

Новопорядчик обязывался «двором поселитца и заимка на себя пашня распахать и всяким крестьянским заводом завестись», «быти в пашенных крестьянах... пашня государева пахать... и поделки делати», «никаким воровством не воровать, зернью и карты не играть и не бражничать» и «в государеве пашне радеть». Как правило, включалось и обязательство «никуда не збежать»¹⁰³.

Последнее обстоятельство говорит о личном прикреплении порядившегося к владельцу, в данном случае к государству. Отдельные порядные, правда, как бы сохраняют за крестьянином при известных условиях право перехода. Так, М. Косачёв, севший в 1669 г. во крестьяне в Бешкильской слободе, дал обязательство лишь «государевой пашни впусте не покинуть»¹⁰⁴. С этим согласуются случаи сдачи тягла. Несмотря на это, общая идея крестьянской крепости, выраженная словами поручных и порядных

¹⁰² См. К. Маркс. Капитал. Т. III, стр. 804. Госполитиздат. 1949.

¹⁰³ Стлб. ВУС № 10, л. 19, СП. 535, лл. 108—124.

¹⁰⁴ СП. Кн. 535, л. 120.

«никуда не збежать», определяла порядок жизни сибирской деревни. В том же 1669 г., вскоре после устройства новой Бергамаковой слободы, в Ишимский острог была направлена «память» о постройке заставы для слободских крестьян, «чтоб из новые Бергамаковы слободы с Тары реки старые и новоприсыльные крестьяне зимой и летом никуда не разбегались»¹⁰⁵.

Прикрепление самих крестьян со временем распространяется и на членов их семей. В 1691 г. в Верхотурье разбиралось дело о сходе сына подгороднего пашенного крестьянина Боровского. В допросе последний показал, что он «уезжал в Верхотурского уезда в Арамашевскую слободу не убогом, ради скудости своей, покормитца». В Арамашеве он жил у дяди и «молотил из найму хлеб, а в государеве десятинной пашне без него оставался отец ево и тое пашни свой повыток отец ево пахал сполна, сеял и зжал и измолотил, изделия всякие делал и поборы платил. И отпустил ево для наемные работы покормитца в Арамашеву отец ево, а не убогом он уходил»¹⁰⁶. Обе стороны, и приказчик и ответчик, исходили в этом деле из одного и того же положения: уходить крестьянину с места, на которое он посажен, нельзя. Эта же мысль лежит в основе дела М. Агеева с товарищами¹⁰⁷. В 1631 г. Агеев был направлен на пашню в Енисейский уезд, а в 1637 г. задержан в Тобольске как беглый крестьянин. Свой уход из Енисейска беглец объяснял тем, что он не был пашенным крестьянином и таким образом сохранял право перехода.

Поэтому одной из обязанностей приказчиков крестьянских слобод была борьба с уходом крестьян. В наказе приказчику Белослудской слободы А. Шамшеву в 1691 г. предписывалось «досмотреть налицо» крестьян и в случае обнаружения недостающих прислать в приказную избу списки «беглых»¹⁰⁸. Наказная память Аятскому приказчику 1694 г. не даёт ему права разрешать крестьянам уход: «А которые крестьяне похотят здавать меж себя денежный оброк и тем крестьянам о здаче велеть бить челом на Верхотурье, а в слободе здавать отнюдь не велеть». Крестьянин, нарушивший это правило, считался беглым. «А будь кто здав в слободе да збежит и тот денежный оброк будет положен вместо збеглых крестьян на тебя»¹⁰⁹. Наказные памяти приказчикам верхоангарских деревень 1690 и 1698 гг. предписывают приказчику, будучи на приказе, «смотреть и беречь накрепко, чтоб они (крестьяне. — В. III.) ис пашни никуда не убежали»¹¹⁰. В наказной памяти И. Похабову, назначенному в 1648 г. приказчиком в Маковский острог, говорится: «А переписав пашенных крестьян для побегу и воровства, vybrати из них лутчих людей, от которых бы воровства и побегу не чаять, и учинить старост и десятников и пятидесятников и приказать им беречь воров и ссыльных людей от побегу и от всякого воровства накрепко»¹¹¹.

В обобщённой форме мысль о запрещении крестьянского перехода в Сибирь была высказана в одной из выписей Сибирского приказа 1636 года. Выпись указывает, что в государевых наказах сибирским воеводам всегда писалось, чтобы крестьяне «никаким воровством не воровали и из Сибири к Руси и никуда не бегали»¹¹². Естественно, что особенно ярко сказывалась крепость в отношении лиц, попавших в крестьяне из ссыльных.

Следствием прикрепления крестьян являлось их принудительное переселение. Подобно тому, как помещики центральных уездов страны переводили своих крестьян из одной вотчины в другую, сибирская админи-

¹⁰⁵ Там же, л. 868.

¹⁰⁶ Стлб. ВУС № 43, лл. 135—136.

¹⁰⁷ СП. Стлб. 83, лл. 552—554.

¹⁰⁸ Стлб. ВУС № 1280, лл. 1—8.

¹⁰⁹ Стлб. ВУС № 23, лл. 168—179.

¹¹⁰ ЦГАДА. Ф. Иркутской приказной избы. стлб. 227, лл. 1—7, стлб. 406, лл. 1—7.

¹¹¹ СП. Стлб. 227, лл. 230—240, ср. стлб. ВУС № 20, л. 35.

¹¹² СП. Стлб. 60, лл. 68—87.

страция переводила пашенных крестьян из уже относительно заселённых западных уездов на восток.

Практика переселения сибирских крестьян началась довольно рано. Уже в 1632 г., когда в Верхотурском уезде было всего 470 крестьянских дворов, царской грамотой воеводе Ф. Бояшеву было предписано отобрать и отослать в Томский город и Томского разряда остроги 100 крестьянских семей «заводных, прожиточных и семьянистых лутчих людей». От подневольного переселения попыталось избавиться 60 крестьян с Тагила и Невьи, бежавших в европейскую часть России¹¹³.

Во второй половине века переселялись крестьяне уже из Енисейского уезда. В 1648 г. енисейскому воеводе Полибину было указано вместо задержанных в Енисейске двух ссыльных выслать на Ленский волок енисейских крестьян «самых лутчих и прожиточных и семьянистых людей 12, которые сами собой на Ленский волок поднялись бы»¹¹⁴. Крестьянские поселения Балаганского острога, основанного в 1654 г., были устроены в 1655 г. в результате перевода сюда 60 крестьянских семей из Енисейска.

Крупное переселение было произведено по грамоте 1687 года. Тобольскому воеводе А. Головину с товарищами было велено переписать всех вновь поселившихся в Тобольском уезде крестьян. Было переписано 589 дворов с населением в 1 494 человека. В 1688 г. было указано всех переписанных, «дав им дощаники... послать с провожатыми... в Иркутск и в Енисейск и велено тех людей поселить на пашню». В том же году из Тобольска отплыло 14 дощаников с 583 крестьянами мужского пола. Остальные «по разбору» были оставлены в Тобольске. По дороге 25 человек бежали. Остальные были поселены в Иркутском уезде, по рекам Белой, Оеку и другим местам¹¹⁵.

Приведённый материал говорит о неизбежном для данной организации хозяйства явлении — внеэкономическом принуждении. Другим путём крестьянина, наделённого землёй, ведшего своё, «собинное», хозяйство, нельзя было бы заставить обрабатывать «государево поле»¹¹⁶. Внеэкономическое принуждение укрепляло власть крепостнического феодального государства.

Это явление не могло не отразиться на всём строе сибирской «государевой» деревни и на формах отбывания крестьянином тягла.

Сибирский государев крестьянин отбывал государево тягло под непосредственным наблюдением слободской администрации. Наказные памяти, которые получали приказчики крестьянских слобод и волостей при назначении на приказ, говорят о самой мелочной опеке над крестьянином, в первую очередь над его трудом на государевом поле¹¹⁷.

Под наблюдением приказчика строились в слободе хозяйственные постройки: овины, риги, житницы и т. д. Под его присмотром хранилось в государевых амбарах зерно. Он же организовывал перевозку зерна в уездные центры или в других направлениях.

Все сельскохозяйственные работы на государевых полях должны были выполняться крестьянами согласно распоряжениям приказчиков и под их непосредственным наблюдением. Последние должны были «смотреть за крестьянином накрепко», быть «у работ самим неотступно», «наряжать крестьян на всякое зделье во время». Эти правила преследовали одну общую цель: «В десятинной пашне искать всякой прибыли» путём непрерывного увеличения площади возделываемых земель, путём привлечения к работам новых крестьян и более интенсивной эксплуатации старых.

¹¹³ АИ. Т. III, № 172, 179.

¹¹⁴ Сп. Стлб. 307, лл. 29—31.

¹¹⁵ Там же. Стлб. 1214, I, лл. 216—233.

¹¹⁶ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 157—159.

¹¹⁷ ЦГАДА. Ф. Иркутской приказной избы, стлб. 406, лл. 1—7.

Всё это давало приказчикам, в большинстве случаев сибирским детям боярским, огромную власть не только над крестьянским трудом, но и над личностью крестьянина. Уже одно это обстоятельство сближало сибирскую слободу и волость с вотчиной крупного помещика Центральной России. Перечисленные функции приказчика сибирской слободы говорят о том, что его деятельность выходила далеко за пределы деятельности административно-фискального чиновника и превращала его в организатора и руководителя более или менее крупного хозяйства, ведшегося на основе подневольного труда.

Зависимость непосредственного производителя материальных благ, занятого в таком хозяйстве, от руководителя этого хозяйства раскрывается ещё очевиднее при рассмотрении условий жизни и деятельности земледельца в его личном, «собинном», хозяйстве.

Ряд наказных памятей предписывает приказчикам вмешиваться в «собинное» крестьянское хозяйство. Естественно, что указания эти носили самый общий характер, но именно поэтому они самым широким образом и ставили личное хозяйство крестьянина под надзор приказчика. Наказ И. Похабову 1648 г. предлагает ему смотреть за тем, чтобы крестьяне «и свои пашни пахали неоплошно»¹¹⁸. Большинство указаний относительно государственной пашни распространяется и на «собинную» крестьянскую пашню. «А над пашенными крестьяне смотреть так крепко, чтобы они впредь государскую десятинную пашню так же и свою пашню пахали и хлеб сеяли перед прежним с прибавкою на самых добрых залежных землях неизпоздав пашенные поры и семена высевали старые добрые рослые».

Наказ разъясняет, что приказчик должен добиваться подъёма «собинного» хозяйства, а для этого необходимо, чтобы крестьяне работали «со всяким прилежанием усердным правым радением без лености, проча своему житию и пашенными своими прибытки богатели». Обычное для всех памятей указание об огораживании полей распространяется и на «собинные» крестьянские поля. Изгороди должны быть хорошие, чтобы из-за плохих изгородей «от скота друг другу потравы и хлебу истери не было». Приказчик должен наблюдать за тем, чтобы крестьяне «в пашенную б и в сенную пору без дела отнюдь не жили. И житию своему прочили»¹¹⁹.

В выписи Сибирского приказа 1636 г. мысль о контроле за «собинным» крестьянским хозяйством дана в обобщённой форме: «А в государевых наказах, каковы даны сибирским воеводам, написано: велено к пашенным крестьянам устроить прикащиков... и наказы им давать, как им государева пашня пахать и пашенных крестьян ведать... жили б они себе проча, пашни на себя пахали перед прежним с лишком»¹²⁰.

Внимание к собственному хозяйству крестьянина объясняется желанием иметь «прожиточных» крестьян, которые могли бы пахать десятинную пашню без «недопашки» и делать всякие изделия «без недоделки». Наказ И. Качину обнаруживает явное беспокойство по поводу того, что крестьяне вследствие «своей несмышлености» могут придти «в нужу и бедность», из-за чего десятинной пашне может случиться «большая недопашка»¹²¹.

В 1645 г. таможенный подьячий Ф. Усов подал челобитную на воеводу М. Верёвкина, не допустившего его к исполнению обязанностей приказчика у енисейских пашенных крестьян. Среди выдвинутых Усовым обвинений обращает внимание обвинение в том, что из-за нерадения Верёвкина крестьяне обнищали. Усов противопоставляет Верёвкину нового

¹¹⁸ СП. Стлб. 227, лл. 230—240.

¹¹⁹ Там же. Кн. 1222, лл. 1—34. Ср. ЦГАДА. Ф. Иркутской приказной избы, стлб. 72, лл. 37—40.

¹²⁰ Там же. Стлб. 60, лл. 68—87.

¹²¹ Там же. Кн. 1222, лл. 1—34.

воеводу, В. Оничкова, который добился повышения урожайности на крестьянских полях, благодаря чему крестьяне «и хлебом и одежою одеты и з большими долги расплатились», в то время как при Верёвкине крестьяне «обнищали и одолжали великими долги, а жены их и дети ходят по миру»¹²². Трудно сказать, насколько справедливы обвинения Усова, но с мнением, что сибирская администрация отвечает не только за состояние десятинной пашни, но и за «собинное» крестьянское хозяйство, согласился Сибирский приказ. По его решению Усов стал приказчиком.

Вмешательство в «собинное» хозяйство усиливало зависимость сибирского крестьянина от слободской администрации. Приказчики получали право устанавливать размеры «собинных» паннен, «смотря по семье и по заводу». В тех случаях, когда указания о «собинной» пашне не выполнялись, приказчику вменялось в обязанность «ленивых и нерадивых смирать»¹²³. Приказчик должен был «мужиков к прилежанию пахоте с угрозами принуждать», «а будет кто и на себя хлеба опашет и посеет малое число и житью своему прочить не учнет и таким крестьяном потому чинить наказание — бить батоги нещадно, чтоб на то смотря иным не повадно было так делать»¹²⁴.

Контроль приказчика было подчинено и имущество государева крестьянина. Свои хлебные излишки крестьянин продавал лишь с ведома приказчика, который мог и запретить продажу. Ограничение, а иногда и запрещение свободной хлебной торговли¹²⁵, порою отдавало крестьянскую хлебную торговлю в руки приказчика. Приказчик контролировал и продажу крестьянского скота: «продавать крестьяном лошадей и скота отнюдь не давать, а будут излишком у которого крестьянина такие скотины, и такую скотину по рассмотрению продавать для их нужи велеть»¹²⁶. Приказчик следил за тем, чтобы из-за «несмышленной» крестьянской продажи для них «не явилась явная нужда и бедность»¹²⁷.

Заинтересованность в «собинном» хозяйстве нередко приводила к вмешательству воевод и приказчиков в семейные дела крестьян, вплоть до вмешательства в вопросы брака. В описке илимского воеводы П. Бунакова 1657 г. говорится, что он «промышленного человека на вдове пашенного крестьянина женил и в пашню построил, да одново холостово пашенново крестьянина И. Ефимова на иноземке, крещеной девке, законным браком потому ж женить велел»¹²⁸.

Зависимость крестьянина от приказчика увеличивалась ещё и тем, что последний помимо хозяйственных функций выполнял и функции административно-полицейские. Наказные памяти поручают приказчику наблюдение за тем, чтобы крестьяне «жили б меж себя бессорно и друг над другом никакова лихова дела и коварства не чинили и друг друга не обижали»; не пили и не бражничали, пив и браг не варили, в зёрна и карты, шахматы и лодыги не играли и были «в трезвости»; не держали бы у себя в домах табак и китайский шар; «скоморохов с домрами и с гусльми и с волынками и со всякими играми у себя б не принимали»: «ворожей, мужиков и баб к больным и ко младенцам в дом к себе не призывали», «в первый день луны б не смотрели», «в пром на реках и озерах не купались», «с серебра подолом не умывались», чтобы у крестьян «воровских бунтов и кругов и драк и убийства и краж» не было б, и «шатости и измены б в крестьянах» не было и т. д.¹²⁹. Наказные памяти

¹²² Там же. Стлб. 271, лл. 219—220.

¹²³ Там же. Стлб. 1422, лл. 373—374.

¹²⁴ Там же. Кн. 1222, л. 12.

¹²⁵ АИ. Т. III, № 107, т. V, № 103.

¹²⁶ Дополнения к Актам историческим (ДАИ). Т. VI, № 1 (стр. 3).

¹²⁷ СП. Кн. 1222, л. 27.

¹²⁸ Там же. Стлб. 470, лл. 367—368.

¹²⁹ АИ. Т. IV № 35 (стр. 124). СП. Кн. 1222, лл. 24—33. Кн. 1372, лл. 20—22 и др.

рисуют нам приказчиков и в роли судей. Приказчики занимались разбирательством и решением всех хозяйственных и полицейских дел, а также производили суд в тех случаях, если размеры иска не превышали 5—10 рублей, а в некоторых случаях и больше.

При отправлении своих хозяйственных и судебно-полицейских функций приказчик имел право применять меры взыскания. В общей формулировке это право определялось как право «смирять». Наказы и другие источники расшифровывают это право «смирять» как широкую градацию наказаний, от простого «уговора» до применения штрафа, телесных наказаний и заключения. Верхотурская память 1699 г. предписывала произвести досмотр полей и в случае обнаружения неубранного хлеба виновников «нешадно» бить батогами¹³⁰. В иркутской памяти того же года указывалось на право «бить батоги нешадно» за «нерадение на пашне» тех, у кого будет недопашка или кто «учнет пахать и боронить плохо»¹³¹. Приказчику верхнеангарских деревень предлагалось самому определять вид наказания: «крестьяном чинить смотря по вине, бить батоги нешадно»¹³², «крестьян унимать и, смотря по вине и тамошнему делу, наказание им чинить, хто чего доведетца»¹³³. Илимская наказная 1698 г. предлагает «питухов» в первый раз давать на поруки, во второй раз нешадно бить батогами и в третий раз «бить кнутом на козле нешадно»¹³⁴.

Приказчики обзаводились батогами, кнутами, железамы, даже имели тюрьмы. Приказчик Братского острога Х. Кафтырев приспособил под тюрьму амбар, держал «в железах» крестьянку Орину. В амбар он сумел посадить и своего недруга, балаганского приказчика Чемезова, которого в амбаре поднимал на дыбу¹³⁵. Приказчик того же острога И. Похабов приспособил под тюрьму баню, куда сажал крестьян «в дым»¹³⁶. В этих слободских амбарах-тюрьмах для виновных, кроме козел, батога, кнута, очевидно, имелись и колоды и кандалы. В наказной памяти приказчику Ирбитской слободы давалось указание на замену содержания в колодах содержанием в железных ножных кандалах¹³⁷.

Следовательно, в сибирской государевой пашенной деревне XVII в. налицо проникающая во все поры крестьянской жизни власть приказчика, как и в крупной вотчине центральных районов страны. Общие задачи этой власти формулируются почти одинаково¹³⁸. Подобное сходство не могло быть ни случайным совпадением, ни слепым подражанием. Его можно объяснить лишь общностью строя хозяйства.

Итак, для основной массы сибирских деревень — деревень, заселённых «государевыми» крестьянами, — характерны: признание в качестве земельного собственника государства, разделение возделываемых земель на две части: на земли, где государство организовывало своё барское хозяйство — «государеву десятинную пашню», — и на земли, которые отдавались крестьянину «в надел» для ведения «собинного» хозяйства, доход с которого обеспечивал крестьянину существование. За пользование наделом крестьянин обязан был обрабатывать «государево поле», урожай с которого шёл в «государевы» житницы и амбары. Для обеспечения поступления этих доходов государство прикрепляло крестьянина к отведённому ему участку земли и лишало его права «покинуть» этот участок. Внеэкономическое принуждение сказывалось как в стремлении лишить крестьянина права перехода, так и в принудительном его переселении

¹³⁰ Стлб. ВУС № 7, лл. 123—127.

¹³¹ ЦГАДА. Ф. Иркутской приказной избы, № 287, л. 49.

¹³² Там же, лл. 1—7.

¹³³ СП. Кн. 1372, лл. 20—22.

¹³⁴ Там же. Кн. 1222, лл. 1—34.

¹³⁵ Там же. Кн. 951, лл. 182—269.

¹³⁶ Там же. Кн. 589, л. 1 и сл.

¹³⁷ ДАИ. Т. VI, № 17 (стр. 86).

¹³⁸ А. Новосельский. Вотчинник и его хозяйство в XVII веке, стр. 66. М., 1929.

на новые участки, в новые районы. Такая организация хозяйства поставила под бдительный контроль работу «государева» крестьянина как на «государевом поле», так и в его надельном «собинном» хозяйстве, а также позволила управителям сибирской деревни — приказчикам — контролировать личную жизнь крестьянина. В «государевой» сибирской деревне создались условия, аналогичные условиям, в которых жила остальная русская крепостная деревня.

Уже в XVII в. в сибирской деревне наряду с «государевой пашней», бывшей вначале повсеместной формой эксплуатации «государевых» крестьян, появляется хлебный и денежный оброк. Последний особенно свидетельствует о том, что Сибирь, как и центральная часть страны, начинает переживать новые явления, характерные для нового периода русской истории. Правда, в течение всего XVII и начала XVIII в. эти явления не стали господствующими и десятинная пашня оставалась основной формой тягла сибирского крестьянства и определяла строй «государевой» деревни. Наряду с «государевыми» деревнями в Сибири в XVII в. существовали монастырские и митрополичьи деревни, по своему характеру полностью соответствовавшие монастырским вотчинам Центральной России. Появляются и деревни служилых людей, живших эксплуатацией труда крепостных крестьян. Своеобразие условий, заключавшихся в основном в слабом развитии частного землевладения, привело к тому, что феодальный характер эксплуатации непосредственных производителей материальных благ не достиг в Сибири в общем тех грубых форм крепостничества, которые были характерны для Центральной России. В Сибири не получила развития торговля крестьянами. Но это обстоятельство не означало отсутствия здесь феодальной эксплуатации, формы и степени которой могут быть различны¹³⁹. В этом отношении Сибирь была подлинно частью феодальной России. Господствующий класс России, сохранявший в XVII в. ещё свою силу, успешно подчинял себе население Сибири. Эти отношения сказывались и в XVIII в., что особенно ярко вылилось на судьбе сибирских «государевых» крестьян, приписываемых в XVIII в. к заводам. Вот почему В. И. Ленин, говоря о значительно более позднем времени, указывал на наличие пережитков крепостничества и в Сибири¹⁴⁰.

Основные итоги проделанного выше анализа конкретно-исторического материала сводятся к следующему.

В Сибири в XVII в. создаются, правда, в небольшом числе, хозяйства служилых людей, которые по способам приобретения землевладельцем земельных участков и по способам эксплуатации труда являлись хозяйствами феодального типа. В значительно больших масштабах шло развитие феодальных хозяйств сибирских монастырей. Основная масса населения сибирских деревень — сибирские «государевы» крестьяне — подвергалась в XVII в. тому же феодально-крепостническому гнёту, от которого она в своё время пыталась освободиться, уходя из деревень Европейской России.

Сибирь, неотъемлемая часть России, проходила в основном тот же путь феодального развития, что и другие части страны.

Попытки некоторых «теоретиков» доказать особый путь развития Сибири, отличный от развития Центральной России, оказываются несостоятельными, опровергаются конкретным историческим материалом.

¹³⁹ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 158—159; К. Маркс Капитал. Т. III, стр. 803—806.

¹⁴⁰ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 6, стр. 94.